

ИГОРЬ
ГУБЕРМАН

18+

ПОЖИЛЫЕ И
АБСОЛЮТНО
НОВЫЕ

ЧЕЛОВЕК
НА ЗАКАТЕ

НА ВСЕ
СЛУЧАИ
ЖИЗНИ

Игорь Миронович Губерман
Человек на закате
Серия «Гарики на каждый день»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11988163
Губерман, Игорь. Человек на закате: Издательство «Э»; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-82765-7

Аннотация

С иронией и юмором, с неизменной «фирменной» интонацией Губерман дает советы, как жить, когда приходит она – старость. Причем советы эти хороши не только для ровесников автора, которым вроде бы посвящена книга, но и для молодежи. Ведь именно молодые – это неперенные будущие старики. И чем раньше придет это понимание, тем легче и безболезненнее будет переход.

Опыт Губермана – бесценен и уникален. Эта книга – незаменимый и веселый советчик, который поможет вам стареть с удовольствием.

Содержание

Человек на закате	5
Искусство стареть	61
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Игорь Губерман

Человек на закате

Моим ровесникам с душевным сочувствием

© Губерман И., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Человек на закате

* * *

Хоть мы увяли, но живём ещё,
взирая сумрачно и праздно,
как несусветное уёбище
цветёт вокруг разнообразно.

* * *

Будет вечер памяти меня
в зале, где ничуть не будет тесно;
льющаяся патокой хуйня
мне уже сейчас неинтересна.

* * *

Вчера во время шумной вечеринки
подумал я, бутылку наклоня,
что скучными получатся поминки
по мне из-за отсутствия меня.

* * *

Я всё живу, как будто жду чего-то.
События? Известий? Благодать?
С утра уже томит меня забота
не просто жить, а слепо ожидать.

* * *

Как будто я повинность отбываю,
как будто я копаюсь в нудном томе,
как будто я вколачиваю сваю...
А я сижу в гостях в культурном доме.

* * *

Я чувствовать начал и стал понимать,
что, кроме отсутствия сил,
я всё, в чём меня родила моя мать,
дотла на себе износил.

* * *

Чтоб легче было старость пережить
и сутки ощущались не пустыми,
нас годы научают дорожить
житейскими привычками простыми.

* * *

Бездельник, шалопай и лоботряс,
не думая о грустных перспективах,
по-моему, умней во много раз
ровесников усердных и ретивых.

* * *

На жизненной дороге этой длинной,
уже возле последнего вокзала,
опять душа становится невинной,
поскольку напрочь память отказала.

* * *

Весьма печальны ощущения
от вида сверстников моих:
их возрастные превращения
не огорчают только их.

* * *

Напрасно языком я не треплю,
мою горячность время не остудит:
ещё я с кем угодно пересплю,
пускай только никто меня не будит.

* * *

Во мне ещё мерцает Божья искра,
и крепок ум, как мышцы у гимнаста,
я всё соображаю очень быстро,
но только, к сожалению, – не часто.

* * *

Был жуткий сон: почти что обнажён
и, чувствуя себя в руках умелых,

лежу среди толпы прелестных жён —
врачей и медсестёр в халатах белых.

* * *

На пути к окончательной истине
мы не плачем, не стонем, не ноем;
наши зубы мы некогда чистили,
а теперь мы под краном их моем.

* * *

Всё, что имел, я сжёг дотла,
и дар шута исчез.
«Его печаль ещё светла?» —
спросил у беса бес.

* * *

Где души обитают в небесах?
Зачем вершится битва тьмы и света?
Кто стрелочник у стрелок на часах,
тот нам и объяснит однажды это.

* * *

Шуршанье шин во тьме слышней,
и жизнь во тьме видней бывая;
я ночью думаю о ней,
за всё простить себя желая.

* * *

Хотя болит изношенное тело,
мне всё-таки неслыханно везёт:
моя душа настолько очерствела,
что совесть её больше не грызёт.

* * *

Я это давно от кого-то слышал,
и сам убедился не раз:
несчастья на нас насылаются свыше,
а счастье — зависит от нас.

* * *

Мир катится у Бога под рукой,
наращивая кольца годовые,
покойники вкушают свой покой,
иллюзиями тешатся живые.

* * *

Текут последние года,
и мне становится видней:
смерть не торопится туда,
где насмежаются над ней.

* * *

Легко творит во мне вино
не ощущение, а знание,
что я не с веком заодно,
а с кем-то из ушедших ранее.

* * *

Весьма мне близок тот задор,
с каким старик воспламенившийся
несёт в запале дикий вздор,
когда-то в нём укоренившийся.

* * *

Стало от усталости мне грустно,
душу безнадёжно утомили
всюду перемешанные густо
запахи цветения и гнили.

* * *

Не сплю я от зова тлетворного,
бунтует мой разум пустой:
я принял пять рюмок снотворного,
и он возмечтал о шестой.

* * *

По части разных персей и ланит
немало было всяческого фарта;

теперь мой организм себя хранит
и ленью защищает от азарта.

* * *

Когда я был весьма уже в летах,
душа сыскала чудное решение:
отчаявшись в надеждах и мечтах,
обрёл я в оптимизме утешение.

* * *

Заранее у Бога я прощения
просить остерегаюсь потому,
что многие в морали упущения
грехами не покажутся Ему.

* * *

Жизнь моя – крошечная аскеза,
но беда – в ещё одной беде:
два уже сидят во мне протеза,
третий хорошо бы – знаю где.

* * *

Хоть не спешу я в мир иной,
но верю, страху вопреки,
что фарт о'клок наступит мой,
когда откину я коньки.

* * *

Ещё текут часы песочные,
я выжил, жив и не устал,
и только планы долгосрочные
теперь я строить перестал.

* * *

Весьма смягчить надеюсь Бога,
когда придёт моя пора:
хоть я и пил безбожно много,
но пил – во здравие добра.

* * *

Трезвонит утренний будильник,
у дня – забот густой пунктир,
духовно-умственный светильник
вальяжно шаркает в сортир.

* * *

Сейчас, живя уже в халате,
я часто думаю о том,
на что я жизнь мою растратил
и чем я сделаюсь потом.

* * *

Забавы мне уже не по плечу,
природа гасит нас весьма искусно;
я праведную жизнь теперь влачу,
что стыдно, унизительно и грустно.

* * *

На склоне лет нельзя резвиться —
ни в пиджаке, ни в неглиже:
душа ещё поёт, как птица,
но кости – ломкие уже.

* * *

Дурацким страхом я томлюсь:
во время даже похорон
речей высоких я боюсь —
а что как пукнет Цицерон?

* * *

У старости несложные приметы —
советовать охота старикам,
и, сидя на корриде, мы советы
даём и матадорам, и быкам.

* * *

Глотками чтения и хмеля
я тьму в душе моей лечу

и видеть свет в конце тоннеля
ещё покуда не хочу.

* * *

Когда завершится обряд поминальный,
и плотский мой облик забудется мигом,
останется дух мой, святой и охальный,
бесхозно гулять по написанным книгам.

* * *

Пускай здоровье губим,
но пьём в полночный час
за тех, кого мы любим,
и тех, кто любит нас.

* * *

Настолько я красив и гладок,
что с дивной лёгкостью могу
без пудры, грима и накладок
в кино играть Бабу-ягу.

* * *

В памяти грядущих поколений
буду я оваян уважением:
памятник беспечности и лени
высекут с моим изображением.

* * *

День был сумрачный, мутный, смурной,
но душа (а душа не растрочена)
мне шепнула, что в жизни иной
нам похуже погода назначена.

* * *

Без компаса, руля и парусов
по прихоти менял я направление,
а нынче двери запер на засов
и с памятью делю своё дряхление.

* * *

Ещё меня житейская инерция
порою вовлекает в суету,
но выбросил давно уже из сердца я
высоких побуждений хуету.

* * *

Уходят в измерение иное
те люди, знал которых очень близко,
вослед их теням кланяюсь я низко
и пью своё прощальное спиртное.

* * *

В раздумьях я периодических:
зачем тяну я этот путь?
Нет сил душевных, нет физических,
и только умственных чуть-чуть.

* * *

Надолго выписал билет
нам Бог в земной бардак,
и вот качусь по склону лет
и не скачусь никак.

* * *

Забавно мне, что струйки строк
и рифмы спаренные эти
мне продлевают Божий срок
существования на свете.

* * *

Людям уже очень пожилым,
плюнув на опасности злословья,
хвастаться блистательным былым —
нужно и полезно для здоровья.

* * *

Я в жизни играл очень разные роли,
и всякой достаточно всячины,

чтоб горестно думать, какие гастроли
душе моей будут назначены.

* * *

Наш век – текучее движение
с рождения и до конца,
отсюда в нас преобразование
фигуры, мыслей и лица.

* * *

Взошла румяная заря,
плывёт рассвет неторопливо,
и чувство, что живёшь не зря,
зовёт купить бутылку пива.

* * *

Весь день читал. Уже стемнело.
Пустой бумажный лист лежит.
Всё, что во мне когда-то пело,
теперь скрипит и дребезжит.

* * *

Я стал податливее хмелю
и чушь, как раньше, не порю,
я был дежурным по апрелю,
а нынче стал – по декабрю.

* * *

Старость у разбитого корыта
тоже прячет некую коврижку:
столько мыслей мной уже забыто,
что вполне хватило бы на книжку.

* * *

Время залило холодными ливнями
наши костры с их высокими искрами,
очень уж были тогда мы наивными,
в равенство-братство мы верили искренне.

* * *

Всё в нашей жизни строго предназначено,
и вольной воли слабо проявление;
когда же предназначанность исчерпана,
даруется свободное дряхление.

* * *

Высоким духом не томим,
я виски пью и в ус не дую,
я был дурак, останусь им
и всем весьма рекомендую.

* * *

Земля раскроет нам объятья,
лафа засветит перьям прытким,
и наши мелкие собратья
нас обольют сиропом жидким.

* * *

Каждый смертный умрёт, как известно,
и душа остаётся одна.
Как бедняга живёт бестелесно?
Что умеет и может она?

* * *

Таская возраста вериги,
но в жизнь упрямо влюблены,
мы, как истрёпанные книги,
ума и пошлости полны.

* * *

Был век бездушен и жесток,
но я — и с тем умру —
хвалю и славлю свой шесток,
берлогу и нору.

* * *

Усохла напрочь суета,
легко душа сдалась остуде,

бурлит густая пустота
в моём мыслительном сосуде.

* * *

Ноздря к ноздре и ухо в ухо
бегут соратники по хворям,
а возле финиша старуха
ждёт, сострадав вдовьим горям.

* * *

Не гневи, подруга, Бога,
а воздай по чести:
жить осталось нам немного,
но зато мы вместе.

* * *

Когда болит и ноет сердце,
слышней шептание души:
чужим теплом довольно греться,
своё раздаривать спешу.

* * *

Полезно думать о добре:
ко мне вернулось вдруг везение,
и сочинилось в декабре
стихотворение весеннее.

* * *

О подвигах в запале вспышки гневной
всё время мы читаем или слышим;
подвижничество жизни ежедневной
по мужеству стоит намного выше.

* * *

В духовность не утратили мы веру,
духовность упоительно прекрасна,
но дух наш попадает в атмосферу,
а это ей совсем не безопасно.

* * *

За душу, мне когда-то данную,
уже незримый бой кипит,
и слышу я то ругань бранную,
то шелест крыл, то стук копыт.

* * *

Покой житейский неустойчив,
отсюда пьянство и бессонница:
едва нальёшь, ремонт закончив,
опять покой трещит и клонится.

* * *

Мы все – особенно под мухой —
о смерти любим чушь нести,
кокетничая со старухой,
пока она ещё в пути.

* * *

Я старился, нисколько не взрослея, —
ни ум не обострялся мой, ни бдительность,
что стыдно и позорно для еврея,
которому пристойна рассудительность.

* * *

Сменилось легковесное порхание
тяжёлой стариковской хромотой,
храню я только лёгкое дыхание,
с упрямой изыскав прямотой.

* * *

Я часто думаю о смерти,
поскольку жизнь весьма ценю,
а смерть означена в десерте
земного нашего меню.

* * *

Читаю предпочтительно о древности
и в этом увлечении не каюсь;

от мерзких дуновений современности
я кашляю, чихаю и сморкаюсь.

* * *

Что осталось от разных возможностей?
Я уже не расстанусь с бумагой,
избегать буду жизненных сложностей
и беспечным не стану бродягой.

* * *

Всё мерзкое, болезненное и гнилое,
что было, ощущалось и текло, —
когда перемещается в былое,
то помнится душевно и тепло.

* * *

Мной выпито не больше, чем воспето,
скорее даже меньше, если честно,
однако длится жизнь, и неизвестно,
сколь часто она будет подогрета.

* * *

Давно уже я чтению запойному
предался, бросив писчее перо,
и знаний накопил в себе, по-моему, —
огромное помойное ведро.

* * *

Душа пожизненный свой срок
во мне почти уже отбыла,
была гневлива, как пророк,
и терпелива, как кобыла.

* * *

Мой закат утешительно светел:
каждый вечер сижу я с женой
и наследство, которое детям,
пропиваю, покуда живой.

* * *

Течёт наш постепенный эпилог,
и больно всем, когда уходит каждый;
желание увидиться – залог
того, что снова встретимся однажды.

* * *

Я остро ощущаю иногда
(в ровесниках я вижу это с нежностью),
что самые последние года
овеяны высокой безмятежностью.

* * *

Про мудрость преклонных годов,
про старческий разум пронзительный
наврал, не жалея трудов,
какой-то мудак омерзительный.

* * *

Страшней и горестней всего
из испытания дряхлением —
окостенение того,
что гордо названо мышлением.

* * *

Вижу некий жизненный курьёз,
как документальное кино:
те, кто принимал себя всерьёз, —
все уже несчастливы давно.

* * *

Жестоко всё устроено в природе:
мы жили, мы ругались, мы дружили,
а нынче все уходят и уходят,
а новые вокруг – уже чужие.

* * *

Пора, мой друг, пора, ничуть не рано,
ушли уже напор, накал и прыть,

стишки текут из некоего крана,
который надо вовремя закрыть.

* * *

Когда, укрывшийся халатом,
я сладко сплю средь бела дня,
судьба, фортуна, рок и фатум
лелеют бережно меня.

* * *

Я голым был, издавши первый крик,
умру зато в излюбленном халате
и, я надеюсь, — дома, где привык,
а не в больнично пахнущей палате.

* * *

Я ценю репутацию пьяницы,
потому что она худо-бедно
любопытным потомкам останется
как живая о предке легенда.

* * *

Всё в мире этом туго скручено,
увязано и предназначено,
и если нами что получено,
то как-то нами же оплачено.

* * *

Нет, мы не случайно долго жили,
к поросли ушедших мы привиты,
время к нашим жизням доложили
те, кто были смолоду убиты.

* * *

Поскольку нам выпало счастье родиться
в кошмарной империи, канувшей в Лету,
по полному праву мы можем гордиться,
что мы пережили могильщицу эту.

* * *

Есть люди – кругозор их необъятен,
а мыслят они здраво и логично,
и мир вокруг им полностью понятен.
Зовут их идиотами обычно.

* * *

Конечно, так должно было случиться,
что острого лишусь однажды смысла:
усох мой уксус, выдохлась горчица,
шампанское от возраста прокисло.

* * *

Пласты культурных наслоений —
планеты гордость и балласт,
по мере смены поколений
и мы войдём в такой же пласт.

* * *

Всегда жила во мне уверенность —
а к ней и фактов было множество, —
что аккуратность и умеренность —
приметы скрытого убожества.

* * *

Одно лишь меня крепко тяготит:
хватает на день сил уже в обрез,
и к жизни неуёмный аппетит
сменился на прохладный интерес.

* * *

Когда вполне мы на плаву
и в жизни всё благополучно,
то слёзы каплют на халву,
поскольку делается скучно.

* * *

Умы бездонной глубины
и долговременная прочность —

большая редкость. Нам даны
лишь мизерность и краткосрочность.

* * *

Память вытесняет в никуда
преданность мою вранью и блуду,
я к моменту Страшного суда
помнить ничего уже не буду.

* * *

Когда сбылась удачная карьера
и ровно продвигаются дела,
всегда томит вопрос: какого хера
на это жизнь потрачена была?

* * *

Уже не осень – поздняя зима
берёт меня в объятия холодные,
а у меня – кружение ума
и мысли, по-весеннему свободные.

* * *

Я чую запах личности на слух:
слова текут, и запах есть у них,
сменяется пивным коньячный дух
ушедших современников моих.

* * *

Забылся карнавал утекших дней,
истёрлась жизни тонкая тесьма,
и ночь теперь царит в душе моей,
но – звёздная пока ещё весьма.

* * *

Что я скажу про стариканов,
давно лишившихся огня?
Жена боится тараканов
гораздо больше, чем меня.

* * *

Не согнут я ещё пока
и не ломаюсь,
я то валяю дурака,
то дурью маюсь.

* * *

Моя догадка, внятная уму,
кого-то приведёт, возможно, в ярость:
мы живы до сих пор лишь потому,
что Богу любопытна наша старость.

* * *

Я и двигаюсь теперь еле-еле,
и не хочется идти никуда,
и душа почти не держится в теле,
а с умишком – так и вовсе беда.

* * *

Когда я досмолю окурок мой
и тело неподвижно в землю ляжет,
душа моя вернется домой
и лишнее чего-нибудь расскажет.

* * *

Нет ничего на свете гаже,
чем рано руки опустить,
а если нас Господь закажет,
Он должен нас оповестить.

* * *

Обильно сдобрен мёдом и елеем
похоже спотыкающийся слог:
кого-то поздравляют с юбилеем,
о ком-то прямо рядом – некролог.

* * *

Стезя у всех вполне сквозная
и непостижная уму,

и мы бредём по ней, не зная —
куда, а главное — к кому.

* * *

Надеюсь, что весьма ещё не скоро
на суд я попаду — уже вторично,
небесного узрею прокурора
и сяду на скамью вполне привычно.

* * *

Кого ни спросишь, как дела,
одну и ту же слышишь весть —
что ноша жизни тяжела,
но где-то свет в тоннеле есть.

* * *

Сегодня сильно плох я, просто плох
и в силах разве книжку полистать,
не то чтобы мышей, но даже блох
уже я не ловлю, чтоб не устать.

* * *

Забавно мне скользить по склону лет
и слушать наше пение пропащее,
былое сплыло, будущего нет,
но длится и гуляет настоящее.

* * *

Я смолоду вертелся так и эдак —
вертелся, а не гнулся и вилял,
и понял очень ясно напоследок,
что так я жажду жизни утолял.

* * *

Мы то кипим, то вмиг бессильны,
то гневны попусту, то благодны;
капризы возраста обильны,
непредсказуемы и тягостны.

* * *

Та живость, в нас когда-то бывшая,
ослабла в мимике и звуке:
у стариков душа притихшая —
она готовится к разлуке.

* * *

Сначала длится срок учебный,
потом – рабочий длинный срок,
за ним – короткий срок лечебный,
а дальше – выход за порог.

* * *

Загадочны души моей изыски,
причина в постарении, наверно —
томит меня любовь к родным и близким,
что вовсе для меня не характерно.

* * *

Во мне сейчас кипит игра,
спор за земную благодать:
душа гундит, что ей пора,
а тело просит подождать.

* * *

Близится пьеса к негромкой развязке,
тянутся дряхлые сутки;
раньше любил я анютины глазки,
были меж них незабудки.

* * *

Сердце, печень, почки, уды,
нервы, мышцы и сосуды,
содрогаясь от усталости,
служат нам из чистой жалости.

* * *

Потоком лет легко несомый,
уже зажился я слегка,

и скоро струйкой невесомой
душа взовьётся в облака.

* * *

Я – праведник, и это все заметили,
а я об этом Бога не просил,
но старость – это время добродетели,
поскольку на пороки нету сил.

* * *

Я дожил до лет, когда верю вполне,
что счастье придёт не снаружи,
что тихий покой воцарится во мне,
поскольку я слышу всё хуже.

* * *

Из разных свежих новостей
одна – дурного качества:
пожары низменных страстей
во мне погасли начисто.

* * *

Я трудно хожу, еле-еле,
и сердце колотится глухо —
похоже, ему надоели
метания праздного духа.

* * *

Когда весь день живёшь недужно,
и труден даже мелкий быт,
вдруг дарит весть бывшая дружба,
что ты не всеми позабыт.

* * *

Живу не тускло и не пресно,
в реальной жизни не участвуя,
мне всё на свете интересно,
и дышит этим старость частная.

* * *

Дожив уже почти что до предела,
копаюсь я слегка в себе самом:
за то, что много глупостей наделал,
Создатель наказал меня умом.

* * *

Всё время в области груди
дурные чувства душу студят —
то стыд за то, что позади,
то страх того, что дальше будет.

* * *

Теперь весной кусты и ветки,
покрытые цветочным пухом,
напоминают мне, что ветхий
уже и телом я, и духом.

* * *

Хотя страшит не смерть сама,
а ожидание её,
но вдруг и правда там не тьма,
а всякое хуё-моё?

* * *

По прихоти Творца или природы,
но мне и время старости дано;
порядочные люди в эти годы
лежат уже на кладбищах давно.

* * *

Куда исчезли стать и прыть?
И не вернёшь утрату эту.
Как раньше было их не скрыть,
так их сейчас в помине нету.

* * *

Ещё хожу, почти не шаркая,
легко тяну телегу дней,

но кровь моя, когда-то жаркая,
заметно стала холодней.

* * *

Уже я слаб, весьма недужен —
конец мужицкому зазнайству,
хотя жене ещё я нужен
для шебуршений по хозяйству.

* * *

Грохочет поезд многотонный,
мой быстрый век насквозь железен,
я устарел, как транспорт конный,
но, как и он, душе любезен.

* * *

Я всей текущей жизни рад,
хотя храню в углах сердечных
саднящий перечень утрат,
разлук жестоких и навечных.

* * *

К доходам нет во мне любви,
я понял, жизни в результате,
что деньги истинно мои —
лишь те, что я уже потратил.

* * *

Достойно жили мы навряд ли,
и мы чисты душой едва ли —
мы слишком часто разной падле
учтиво руку подавали.

* * *

В наши старческие годы
каждый день и каждый час
мы зависим от погоды —
на дворе и лично в нас.

* * *

На старости приятно похвалиться,
надеясь на взаимопонимание,
как некие значительные лица
являли нам завидное внимание.

* * *

Вода забвения заплещется,
душа смешается с туманом,
но долго буду я мерещиться
неопалимым графоманам.

* * *

Подвержен я забавной порче —
наверно, духом я нищаю:
я разбираюсь в людях зорче,
но всех и всё легко прощаю.

* * *

Поставить хорошо бы кинокамеру,
снимающую фильмы про итоги, —
как мы усердно движемся к Альцхаймеру,
но хвори ловят нас на полдороге.

* * *

Легко придя на самый край
и на краю живя легко,
шепчу душе: «Ведь вот же рай,
зачем лететь так далеко?»

* * *

По жизни было множество историй,
равно к добру причастных и ко злу,
но память — обветшавший крематорий —
хранит уже лишь пепел и золу.

* * *

Нет, я смотрю на мир не пьяно,
однако выпив основательно,

и долгой жизни фортепьяно
во мне играет сострадательно.

* * *

В себе не зря мы память гасим —
не стоит помнить никому,
что каждый был хоть раз Герасим,
своя у каждого Муму.

* * *

На мякине меня проводили не раз,
много сказок я слушал как были,
но обидно, что часто меня и сейчас
на кривой объезжают кобыле.

* * *

Гоню чувствительность взашей,
но чуть погладь меня по шерсти —
теку из носа, глаз, ушей
и прочих жизненных отверстий.

* * *

Пришла осенняя пора,
и выпить хочется с утра.
Но я креплюсь, имея волю
сильнее тяги к алкоголю.

* * *

В гостях побыв, отбыли дети —
потомков буйственная ветка;
большое счастье — жить на свете,
любя детей и видясь редко.

* * *

Погода на душе стоит осенняя,
мне думается медленно и туго,
надежды все мои и опасения
уже неотличимы друг от друга.

* * *

Заметил я по ходу дня —
пошляться довелось,
что девки смотрят на меня,
но как бы просто сквозь.

* * *

Рубивший врага на скаку
и сыром катавшийся в масле,
мужчина в последнем соку
особенно крут и несчастлив.

* * *

Сегодня я с разумом в полном союзе,
меня не обманет горластый герой,
но мелкие дребезги бывших иллюзий
меня глубоко ещё ранят порой.

* * *

Пою теперь один мотив,
хотя ничуть не жду развязку,
однако веер перспектив
сложился в наглую указку.

* * *

Транжира, мот и расточитель
разгульной жизни под конец —
уже умеренный скупец
и воздержания учитель.

* * *

Притупилось любопытство
к каждой встреченной судьбе,
обостряется бесстыдство
говоренья о себе.

* * *

Мысли в голове одутловаты,
а в душе — угрюмый неуют:

либо в этом годы виноваты,
либо в эти годы так не пьют.

* * *

Мы с ленью счастливы вдвоём,
она с наукой тесно связана:
трудиться в возрасте моём
наукой противопоказано.

* * *

Кокетливы, но не упрямы,
вихляя себя равнобедренно,
изрядно пожившие дамы
согласны всегда и немедленно.

* * *

А жалко, что не сделал я карьеры:
я вдосталь бы денегат наворовал,
ко мне на дачу мчались бы курьеры,
и был набитый выпивкой подвал.

* * *

Из шумной жизни устранясь,
я духом вял и плотью слаб,
но сам себе слуга и князь,
но сам себе и царь, и раб.

* * *

Без горечи, без жалоб и стенаний
заметил я естественную скверность:
уже я в большинстве воспоминаний
ручаться не могу за достоверность.

* * *

Потомство немедля забудет
о нашей оглядчивой дерзости,
потомкам достаточно будет
печалей от собственной мерзости.

* * *

Кровь покуда струится вдоль жил
и творит мою жизнь молчаливо,
я умру от того, что я жил,
и расплата вполне справедлива.

* * *

А душа, летя за облака
и земной истерзанная болью,
всё-таки грустит наверняка
по земному пьяному застолию.

* * *

Состарюсь, я живу весьма осмысленно
и время проживаю не впустую,
поскольку я записываю письменно
своих переживаний муть густую.

* * *

Я сижу, почти не слыша
рядом разговора:
прохудилась, видно, крыша
и поедет скоро.

* * *

Когда я паду, как подбитая кегля,
займутся моей биографией,
но слава посмертная – просто ведь ебля
юнцов под моей фотографией.

* * *

Уже уходим друг за другом мы,
дав жизни следующим людям;
потомкам, сытым и непуганым,
навряд ли мы понятны будем.

* * *

Хотя по возрасту давно
сошёл я с общего трамвая,

но жизни чудное кино
смотрю, ничуть не уставая.

* * *

В заботах суетного дня
кишит и тонет каждый,
но соберётся вся родня
вокруг меня однажды.

* * *

Я слежу за здоровьем моим
очень пристально, страстно и строго:
если вдруг я недугом томим,
то под вечер пью больше намного.

* * *

Болит и ноет поясница,
и сердце явно с ритма сбилось,
а всё равно под утро снится
всё то, что в молодости снилось.

* * *

Гляжу вперёд я без боязни,
промчались годы скоростные;
чем дальше, тем разнообразней
текут печали возрастные.

* * *

Теперь живу я, старый жид,
весьма сутуло,
и на столе моём лежит
анализ стула.

* * *

Всё естественно более-менее,
но таится печаль в этой драме:
потолок моего разумения
явно сделался ниже с годами.

* * *

Последняя ночная сигарета
напомнила тюрьму, сгорев дотла,
тем дымом сигаретным обогрета
вся жизнь моя дальнейшая была.

* * *

Полезно в минуты душевной невзгоды,
когда огорчён или гнусностью ранен,
подумать, что всё же дожил до свободы,
и целым ушёл, и рассудок сохранен.

* * *

Сейчас я всё время читаю,
листая сюжетов меню,
и мыслей о старости стаю
бумажным шуршаньем гоню.

* * *

Возможно, что этим и век я продлил,
и ныне на том же стою:
на все неприятности лью, как и лил,
усмешки крутую струю.

* * *

Звонок, разговор, и подумал я вдруг,
что старость меняет мужчин
и что размыкается дружеский круг
не только от смертных причин.

* * *

В небесную мы взоры тянем высь,
надеясь присмотреться, что там, как,
и каждый слышит голос: «Отъебись,
не суйся раньше времени, мудак!»

* * *

Жизнь оказалась интересной,
меня пасли судьба и случай,

и птицей реял я небесной,
и тварью вился я ползучей.

* * *

Склероз, явив ручонки спорые,
сегодня шутку учинил:
я сочинил стихи, которые
давно когда-то сочинил.

* * *

Тот бес, который жил во мне —
его кляли мои родители, —
с годами сделался умней
и вырос в ангелы-хранители.

* * *

Конечно, это очевидно —
стихает нашей жизни пляс,
но только грустно и обидно,
что внуки вмиг забудут нас.

* * *

Мы от рождения до кладбища
живём, как любим и умеем,
поскольку мы помимо пастбища
ещё и зрелища имеем.

* * *

Ещё пою, как утренняя пташка,
и душу страх почти не берedit,
и каждый вечер каждая рюмашка
о жизни убедительно твердит.

* * *

Питаюсь я земными соками
и потому ещё живой,
поэты пишут про высокое,
а я — в системе корневой.

* * *

Жизненная легче нам дорога,
если есть о ней благая весть,
очень помогает вера в Бога,
ибо дьявол тоже, значит, есть.

* * *

Увы, но выдохлись таланты,
творить почти ушла охота,
теперь мы только Россинанты
из-под останков Дон-Кихота.

* * *

Для старости публичное присутствие
опасно даже с теми, кто нам рад;
не так тому причиной самочувствие,
как пукательный стыдный аппарат.

* * *

Ведь это счастье, стариканы,
что нам по-прежнему близка
забава сесть, налья стаканы,
и ими чокнуться слегка.

* * *

Заметно приближается финал,
а мне, глухому старцу завалящему,
всё кажется, что я не начинал
ни думать, ни писать по-настоящему.

* * *

Потомки нас нисколько не осудят
за промахи в годах, уже глухих,
поскольку наплевать потомкам будет
на всё, что было некогда до них.

* * *

Потеря, глупость, неурядица —
они фонарь в дороге дальней,

поскольку жареная задница
гораздо интеллектуальней.

* * *

Нет, я отнюдь не хладный стоик,
и мне страшнее год от года,
что в жизни этой ждать не стоит
благополучного исхода.

* * *

Шла пьянка, тлели искры спора,
а я гадал в тоске обвальной,
кому кого придётся скоро
уважить рюмкой поминальной.

* * *

На склоне жизни всё былое,
что вспоминается и помнится,
уже лихое, удалое
и залихватское, как конница.

* * *

Сегодня мне подумать удивительно
в уютности закатного тепла,
что жизнь моя, мелькнувшая стремительно,
всегда весьма медленно текла.

* * *

Ни в чём на свете не уверен,
лишён малейших упований,
теперь я начисто потерял
для всех общественных деяний.

* * *

Я по кругозору – обыватель,
мне уютен узкий кругозор,
а наружу выглянешь некстати —
срам повсюду, мерзость и позор.

* * *

Хоть и редки во мне воспарения,
на земле я недаром гошу:
в этом мире, где три измерения,
я четвёртое нагло ищу.

* * *

Мой поезд уже, в сущности, ушёл,
покоем я дышу на тихой станции,
а будет ли мне завтра хорошо,
решат на небе высшие инстанции.

* * *

Житейский путь отнюдь не гладок,
убог без воли и желания,
а духа пакостный упадок —
опасней тягот выживания.

* * *

С возрастом хотя немало сложностей,
жаловаться глупо и негоже:
старость — ущемление возможностей,
но зато обязанностей — тоже.

* * *

Какой мечтой себя ни грей,
а не исполнишь ни одну;
срываться поздно с якорей,
когда уже прирос ко дну.

* * *

Куда от современности уйдёшь —
от шума, балагана, пантомим?
А бал повсюду правит молодёжь,
размахивая либидо своим.

* * *

Сочиняю стихи как могу и хочу,
назиданий в них нету нигде;

то, что я никого ничему не учу,
мне зачтётся на Страшном суде.

* * *

Увяли нынче хрупкие цветы,
а ты ещё никак не веришь в это;
наивность – это признак чистоты,
однако же и глупости примета.

* * *

Что оставили мы для внучат
в их нелёгком житейском пути?
Всюду клумбы прогресса торчат,
но цветочки на них – не ахти.

* * *

Люблю любые торжества:
в угаре пьяного приятельства
во мне гуляют вещества
покоя и доброжелательства.

* * *

Подыскал я кино, где счастливый конец,
после выпил с любимой женой,
и подумал: дурак, а живу как мудрец —
мало надо мне в жизни земной.

* * *

Нас тянет – это старости печать,
буравя равнодушия броню,
советовать, учить, и поучать,
и даже проповедовать херню.

* * *

Состарясь, не валяюсь я ничком,
а радость я несу себе и людям:
вот сядем со знакомым старичком
и свежие анализы обсудим.

* * *

Мне фактов и мыслей вязанку
собрало житейским течением,
и многих событий изнанку
я вижу теперь с огорчением.

* * *

Пофартило и мне виды видывать
с той поры, как я хвост распустил,
а теперь моя участь – завидовать,
но кому – я ещё не решил.

* * *

Какой-то простенький мотив
поёт во мне глухая жалость,
что из житейских перспектив
уже всего одна осталась.

* * *

Что делал я? Дружил с подушкой,
пил жизни мёд
и убирал в часах с кукушкой
её помёт.

* * *

Мы между предков и потомков
живём сейчас на белом свете,
число развалин и обломков
ещё умножат наши дети.

* * *

Пускай старик занудно тянет нить
любого о себе повествования:
он жаждет как угодно застолбить
реальность своего существования.

* * *

Я пью с изрядно пожилыми
людьми, весьма ещё живыми,

но зябко мне, услыша речи
о нашей следующей встрече.

* * *

Мои года – изба корявая,
сухим повитая плющом,
и крыша вся уже трухлявая,
но печка топится ещё.

* * *

Я вовсе не безвыходно сижу,
мыслительными мучаясь попытками,
я часто с удовольствием хожу
на встречи с алкогольными напитками.

* * *

Телега жизни скособочена,
она трясётся всё сильнее,
но вдоль дороги есть обочина —
плетусь по ней.

* * *

На склоне лет я тем горжусь —
помимо редких горьких шуток, —
что в собутельники гожусь
почти в любое время суток.

* * *

Не имея к Богу доступа
и ввиду Его отсутствия,
крайне глупо ждать от Господа
милосердного сочувствия.

* * *

Сеять разумное, доброе, вечное
право от Бога дано
только тому, кто в лукошко сердечное
чистое всыпал зерно.

* * *

Судьба мне подарила долгий вечер,
и я живу – неспешно и теплично;
мне говорят сочувственно при встрече,
что я – тьфу-тьфу – и выгляжу отлично.

* * *

В земной недолгой круговерти,
куда ни ступят наши ноги,
мы все идём навстречу смерти.
И веселимся по дороге.

* * *

Судьба ничуть не поломала
хребет устройства моего:
для счастья нужно очень мало —
способность чувствовать его.

* * *

Приемлю я незамедлительно
спор по любому пустяку,
поскольку мыслям погубительно
вариться в собственном соку.

* * *

Я вижу по себе и по друзьям,
а также – наблюдая население:
мы все произошли от обезьян,
особенно – общественное мнение.

* * *

На мир уже по-старчески гляжу:
жесток, несправедлив, необъясним,
но я его прекрасным нахожу,
и жалко расставаться скоро с ним.

* * *

Нынче думаю чаще и чаще
с острым чувством гуляки гулящего:

человек, никуда не спешащий,
несравненно умнее спешащего.

* * *

Я перечёл вагон литературы,
умел я устно кружево плести;
я мог бы стать носителем культуры,
но я ленился что-нибудь нести.

* * *

Вчера заговорили про французов —
была какой-то крупной битвы дата, —
и ясно вдруг я вспомнил, как Кутузов
держал со мной совет в Филях когда-то.

* * *

Живу теперь малоподвижно
и даже чуть иллюзионно,
то есть компьютерно и книжно,
а также телевизионно.

* * *

Забавно думать о порядке,
который в мире вдруг узрел:
я мелкий овощ с Божьей грядки
и, кажется, уже созрел.

* * *

Светло и уютно старение,
когда бы не призрак опасности:
старение — это прозрение
своей пустоты и напрасности.

* * *

Давно я водку пью, а не вино,
давно курю, на баб ещё кошусь,
а что помру, я понял так давно,
что этого уже и не страшусь.

* * *

Воспроизводство населения
и обрюхачиванье девушек
волнует наше поколение
уже как бабушек и дедушек.

* * *

Теперь я даже думаю с одышкой:
поспорив чуть, устало затихаю,
а если посижу над умной книжкой,
то вообще неделю отдыхаю.

* * *

Выцвело цветение заката.
Сумерки опасливо ценя,
я всё время помню, что когда-то
был рассвет и полдень у меня.

* * *

Прозрениям души я очень верю
и голос её часто слышу вещей:
за запертой от нас незримой дверью
творятся удивительные вещи.

* * *

На старости пришло благополучие,
живу я в обеспеченности даже;
Ты, Господи, прости меня при случае,
и я – клянусь – прощу Тебя тогда же.

* * *

Печально тем ещё старение,
что мучит острый зуд сомнений:
несут нам годы несварение
текущих в мире изменений.

* * *

Думаю спокойно и рассеянно,
что в культурном слое нашем тонком

много зла зарыто и посеяно —
всё оно достанется потомкам.

* * *

Течёт незримо времени река,
оглядываюсь я, плывя по ней:
величие видней издалека,
убожество и мрак — ещё видней.

* * *

Возможно, эти домыслы нечисты,
но если есть на свете справедливость,
то все энтузиасты-активисты
окажутся в аду за суетливость.

* * *

Я спокойно закрою глаза
и земные сниму с себя вожжи:
всё, что мог, я уже рассказал,
мир иной опишу я чуть позже.

* * *

Свои дела и дни перебирая,
готовясь к неприятностям заранее,
решил собраться с мыслями вчера я,
но мысли не явились на собрание.

* * *

Холодно зимой, а летом жарко,
осень и весна — для настроения,
и хранит Господь нас, только жалко —
малый срок у нашего хранения.

* * *

Уже я давно не спешу никуда —
за это я старость люблю,
а редкие мысли о пользе труда
я в рюмке злорадно топлю.

* * *

Сполна мне достаточны дом и семья,
и, душу в покое купая,
в общественной жизни участвую я,
лишь разве еду покупая.

* * *

Бурлил, кипел, перекипел,
вошёл в пространство пожилое —
однако жил, однако пел
и трогал женщин за живое.

* * *

Ничтожная участь нам как ни грози,
а небо в ночи как ни звёздно,
мы так извозились в житейской грязи,
что нам воспарять уже поздно.

* * *

Невежество моё разнообразно —
не зря себя на книгах мы пасём,
поэтому я к возрасту маразма
знать буду ничего, но обо всём.

* * *

Должно быть, видит Божье око,
сыскав меня в пустой пивной,
что мне нигде не одиноко,
поскольку всюду я со мной.

* * *

Когда небо подёрнулось тучами
и на душу надвинулась мгла —
хорошо в этом пакостном случае,
чтобы выпивка в доме была.

* * *

Сегодня долго думал я о том,
что всяко было, даже приключения,

но делается жизнь пустым листом
в конце её бурливого течения.

* * *

Надо срочно проблемы житейские
разрешать, собираясь в дорогу,
ибо жадные воды летейские
ощутимо прилили к порогу.

* * *

Я в юдоль эту вжился земную,
я купаюсь в её новостях,
но и к тем уже нынче ревную,
кто сидит у Хайяма в гостях.

* * *

Хотя давно оставил я работу
и чистой ленью дышит моя келья,
из разных дней недели я субботу
люблю за узаконенность безделья.

* * *

Поскольку мыслю я несложно,
то принял с возрастом решение:
улучшить мир нельзя, но можно
к нему улучшить отношение.

* * *

А когда мы исчезнем, как не были —
нету чуда в обычном явлении,
то сродни безразличию мебели
будет память о нас в населении.

* * *

А если думать регулярно,
то вдруг заметишь в декабре,
что нынче думаешь полярно
тому, что думал в ноябре.

* * *

Сижу, смотря в окошко невнимательно,
то небо наблюдая, то траву;
безделье мне полезно и питательно,
в самом себе неслышно я живу.

* * *

Уже я в игры не играю,
поскольку сильно похужел
и равнодушно озираю
дезабиле и неглиже.

* * *

Высветляя нам то, что утрачено,
крутит память немое кино;
мы писали судьбу свою начерно,
а исправить уже не дано.

* * *

Моя отдохновенная нирвана —
не роща вековых деревьев лиственных,
а ложе одряхлевшего дивана,
и рядом — стопка книг, ещё не лиственных.

* * *

Хотя живу лениво я и праздно —
трудом не заслужу себе медали я;
живу я очень целесообразно,
поскольку собираюсь жить и далее.

* * *

Подумал я, хлебнув из фляги:
душа взаправду если странница,
то помоги, Господь, бедняге,
кому душа моя достанется.

* * *

Этой жизни последнюю треть
уделял я уже не потехам,

а искусство беспечно стареть
постигал с переменным успехом.

* * *

Хоть я заядлый книгочей,
мои познания убоги:
бежит годов моих ручей,
плотая мусор по дороге.

* * *

Прошла пора гуляний шалых,
теперь тусуюсь в туфлях разных
между старушек обветшалых
и стариков грибообразных.

* * *

Склероз густел, но я с тоской
сам заполнял пунктир в анкете:
насколько помню, пол мужской,
а были, кажется, и дети.

* * *

Теперь я грустный оптимист,
не обижаю никого,
моральный облик мой так чист,
что плюнуть хочется в него.

* * *

Поскольку я дружу с бутылкой
и дружба с ней любезна мне,
то я смотрю на мир с ухмылкой,
хотя сочувственно вполне.

* * *

Старость – это быстрая усталость
и невнятной горечи микробы,
всё хотя сложилось, как мечталось,
и гораздо лучше, чем могло бы.

* * *

Если услышу суждение надменное,
я соглашусь и добавлю неспешно:
сеял я глупое, бренное, тленное,
сеял и доброе, но безуспешно.

* * *

Бросил хорохориться теперь я
и не разглагольствую площадно;
время нам выдёргивает перья
и кураж изводит беспощадно.

* * *

Я строки ткал, и ткалось худо-бедно,
в усердном ремесле прошли года;
ткань жизни расплзается бесследно,
ткань текста – остаётся иногда.

* * *

Эрзацы, фальшь и суррогаты
питали нас в былые дни,
и если чем-то мы богаты,
то это именно они.

* * *

А к вопросу о культуре —
был я шут и безобразник,
но, по-моему, без дури
жизнь – не праздник.

* * *

И прощусь я с повсюдным поганством,
и очнусь на другом этаже,
где сливается время с пространством
и где нет их обоих уже.

* * *

Это много, а не мало —
жить без бури и пурги,

трудно двигая и вяло
две отёкшие ноги.

* * *

Абстрактных истин, истин вообще
я не люблю, поскольку не философ,
люблю я мозговую кость в борще —
она лежит, и нету к ней вопросов.

* * *

У старости какие удовольствия?
Ничем не нарушаемый покой,
обильные запасы продовольствия
и кнопки от экрана под рукой.

* * *

Пишу об увядании своём,
поэтому и старюсь немучительно,
хотя когда-то пел я соловьём,
а нынче только каркаю значительно.

* * *

В некой рыхлой школьной хрестоматии
хер нарисовав исподтишка,
мысленно послав меня по матери,
выучат потомки два стишка.

* * *

Наш разум, интуиция, наитие
ничуть и никогда не замечают,
насколько уже близко то событие,
когда их воедино выключают.

* * *

Мы пьём непрерывно и много едим,
соблазны внушает нам бес,
и то, что пока организм невредим, —
одно из Господних чудес.

* * *

Повадки больше нет во мне упрямой,
всё взвешивает разум на весах;
я думаю, теперь и папа с мамой
спокойны за меня на небесах.

* * *

Блаженно тихое безделье,
в нём хорошо и свежо дышится,
в моей почти монашеской келье
возле дивана лень колышется.

* * *

Влился в мёртвую природу
закадычный давний друг;
Бог готовит нас к уходу,
близких душ сужая круг.

* * *

Уж ни одна колода карт
с цыганкой наравне
совокупительный азарт
не нагадает мне.

* * *

Во время Страшного суда
надеюсь я не унывать,
а посмотрев туда-сюда,
родным и близким покивать.

* * *

По жизни много раз терпя убытки,
я волосы не рву при каждом бедствии:
судьба не разоряет нас до нитки,
а часть и компенсирует впоследствии.

* * *

Мы живём в густой бурлящей каше,
мало что в ней толком разумея;

многие моменты жизни нашей
мы поймём не здесь весьма позднее.

* * *

В нас часто состояние тревожности,
мы чувствуем её немую речь,
она бормочет нам о безнадёжности
себя предохранить и уберечь.

* * *

Такого у судьбы я не просил
и горечи своей не утаю:
не только для работы нету сил —
я даже отдыхая устаю.

* * *

Мне чтение – вроде питания,
поэтому дух мой не бедствует;
среда моего обитания
с реальностью – просто соседствует.

* * *

Весьма кудряво мы живём,
и нету привкуса плачевности,
но годы в паспорте моём —
живая справка о никчемности.

* * *

Старение – оно отнюдь не плавное,
оно скорей как лестница большая,
оно идёт ступенями, а главное —
сознание и чувства приглушая.

* * *

Моя житейская лампада
заметно стала иссякать,
но много света и не надо,
чтоб на столе стакан сыскать.

* * *

Усохла трахалка, иссякла сочинилка,
соображалка стала уставать —
но живы мы. А в будущем училка
нас будет сквозь очки преподавать.

* * *

У слова – изобилие значений,
и многие – желанью вопреки;
храни меня, Господь, от поучений,
которыми богаты старики.

* * *

Это странное время – старение,
предисловие расставания;
изнутри раньше плыло горение,
а теперь – лишь тепло остывания.

* * *

Вчера я на могиле брата
вдруг понял очень остро,
что нет у времени возврата
и всё течёт необратимо.

* * *

В руках кого сегодня палка,
кто где сегодня на коне?
Жизнь коротка, и тратить жалко
её на мысли о говне.

* * *

Хотел сегодня про любовь я
вновь написать чего-нибудь,
но мудрости богиня Софья
шепнула мне: «Уже забудь».

* * *

В жизни этой, чувствами обильной,
после целодневной суеты

ясно вижу холмик мой могильный
и в бутылке – жухлые цветы.

* * *

Недаром так тоскливо я пишу,
что старость – это сумерки крошечные:
теперь уже я с лёгкостью гашу
кипящие во мне порывы грешные.

* * *

Давно я срок тяну земной,
а время льётся.
Охрана памятников мной
вот-вот займётся.

* * *

Ох, непрерывность похорон
хотел бы я притормозить;
уж очень часто стал Харон
моих друзей перевозить.

* * *

Никаких у меня уже дел,
ни трудов, ни долгов, ни забот,
нынче в зеркало я поглядел —
лучезарный седой идиот.

* * *

Ведут по жизни нас
надежды и стремления,
а если жар угас,
то – прелести дряхления.

* * *

С утра едва проснусь,
компьютер я включаю
и всю земную гнусь
за чаем изучаю.

* * *

Не дай ни грусти, ни тоске
гнать волны мрака,
весь мир построен на песке —
стоит, однако.

* * *

Кажется, насколько понимаю,
свой чердак я доверху заполнил:
вроде бы я всё запоминаю,
но уже не помню, что запомнил.

* * *

Имеет нашей памяти дурдом
лихое качество:
про всё, что вспоминал бы со стыдом —
забыто начисто.

* * *

Когда идут осенние дожди,
мне разное в их шелесте сочтется:
то «больше ничего уже не жди»,
то «может ещё многое случиться».

* * *

В былое тянутся ступени
уплывших лет,
а на ступенях — тени, тени
тех, кого нет.

* * *

Мне возраст печали принёс,
которыми надо делиться:
мне нравилось жить на износ,
и он не замедлил явиться.

* * *

Между рождением и кончиной,
в любой из жизни день и час,

необходимо быть мужчиной —
Бог это очень ценит в нас.

* * *

Текут остатки от остатка,
плывут года и облака,
но жизни тёмная загадка
мною не разгадана пока.

* * *

Я дней уплывших череду
порой так ясно вспоминаю,
как будто вновь по ним иду
и много в жизни понимаю.

* * *

Я на восьмом десятке лет —
печально, радостно, обидно —
вдруг ощутил души расцвет.
Перед разлукой, очевидно.

* * *

Редает облаков летучая гряда,
подумал я привычно и цитатно;
уже не тороплюсь я никуда
и слышу жизни шум уже невнятно.

* * *

Здесь неудача, там беда,
но есть и радостные факты,
и по дороге в никуда
бывают чудные антракты.

* * *

Сегодня очень остро я почувствовал,
какой я в этой жизни гость случайный,
как будто ненароком поприисутствовал
на собственной кончине беспечальной.

* * *

Порывов дурачиться более нет,
серьёзность со мной неразлучна;
я сделался взрослым на старости лет,
а это обидно и скучно.

* * *

Я людей неохотно прощаю —
удивительный старческий грех,
но на небе зато — обещаю,
что ходатаем буду за всех.

* * *

Приблизившись к таинственному краю,
храним покуда промыслом Господним,
я тихо сам с собой в снежки играю
запомнившимся снегом прошлогодним.

* * *

Не надо глубоко в себе копаться,
отыскивая сумерек явление:
люблю я засыпать, а просыпаться
теперь уже люблю гораздо менее.

* * *

Жить на свете я очень люблю,
но не шляюсь по скользким эльбрусам,
ибо дома здоровье гублю
с удовольствием я и со вкусом.

* * *

Как ни живёшь, а в результате,
когда, по сути, песня спета, —
на что я жизнь мою потратил?
И нету связного ответа.

* * *

Скит, затвор, берлога, келья —
я сюда хотел давно,

есть запас еды и зелья,
книги, мысли и окно.

* * *

Ещё живу, отбрасывая тень,
и я её достойно наградил:
она одна выходит за плетень,
которым я себя огородил.

* * *

Когда наступит мой черёд,
я вспомню только всё хорошее.
«Он даже после смерти врёт», —
замечит ангел огорошенно.

* * *

Уже я для экскурсий не ходок,
не шляюсь вдоль фасадов с ротозеями,
и горестно-обидный холодок
явился в отношениях с музеями.

* * *

Что люблю себя, я не таю,
и любовь эту глупо гасить;
только жаль — на могилку мою
не смогу я цветы приносить.

* * *

Конечно, слабость, вялость, квёлость —
вполне сезонная беда,
но жаль душевную весёлость,
ушла мерзавка и балда.

* * *

А жизнь моя была весьма легка,
отвержен и гоним я сроду не был,
и густо покрывали облака
высокое безоблачное небо.

* * *

Когда существование плачевное
заметно приближается к концу,
то средство наиболее лечебное —
прильнуть после стакана к огурцу.

* * *

Я вставить хочу эту строчку
в заветный житейский канон:
бедняга, кто пьёт в одиночку, —
умрёт в одиночестве он.

* * *

Есть у любого старикашки,
то стопкой высясь, то горой,
разнообразные бумажки,
что он мыслитель и герой.

* * *

У старости прекрасна безмятежность,
любовь к заплесневелым анекдотам
и душу разрывающая нежность
к потомкам — фраерам и обормотам.

* * *

Светясь остатком силы и огня,
пою свои сомнительные арии,
но ордер на изъятие меня
уже лежит в небесной канцелярии.

Искусство стареть

* * *

Не двигается время наше вспять,
но в некие преклонные года
к нам молодость является опять
и врёт, как лихо жили мы тогда.

* * *

Мы содержимся в холе и неге,
мы хранимы семьёй, как алмаз,
только мха молодые побеги
всё равно прорастают из нас.

* * *

Мой дом зарос холмами книг,
и душно спать к утру,
но окажись я вдруг без них,
я сохнусь и умру.

* * *

Ужели допалил я мою свечку
и кончились пути мои кривые?
Но времени шуршащую утечку
недавно я почувствовал впервые.

* * *

Смешно в закатной нашей драме
играть надрывно и всерьёз:
уже маразм не за горами,
и гнусно ширится склероз.

* * *

Нет, мы у судьбы не слепые рабы,
устроено так мироздание,
что если не ждёшь ничего от судьбы,
она утолит ожидание.

* * *

Прощусь покуда с мыслями угрюмыми
и стану о былом писать моём:
былое, разукрашенное думами,
роскошным выливается враньём.

* * *

Сезоны тянутся, меняясь,
бесшумно шар земной вращается,
и, год от года удлиняясь,
моя дорога сокращается.

* * *

Мне часто снятся умершие люди —
знакомые, приятели, родня,
как будто тени кончившихся судеб
о чём-то упредить хотят меня.

* * *

В давние мальчишеские лета
я читал запойно и подряд,
и в меня втекла отравы эта,
и в судьбу залился этот яд.

* * *

Изрядно время обломало
лентяя, пьяницу и лоха:
я хоть и знаю очень мало,
но я и это помню плохо.

* * *

Я легко погружался в туман,
был решителен в жизненных сложностях,
и сложился бы дивный роман
об упущенных мною возможностях.

* * *

Не скурвился, не спился и не спятил,
не вылинял от жизни ежедневной,

а всё, что потерял или утратил, —
пустяк на фоне целости душевной.

* * *

Внучата со мной снисходительно дружат,
мы видимся кратко и редко,
потомки, быть может, потом обнаружат
во мне интересного предка.

* * *

Про мир и дружбу пылкие доктрины
при взгляде с моего простого ложа,
с дивана моего, с моей перины —
пусты и пустотой меня тревожат.

* * *

В день святого Валентина,
в день венериных оков
серебрится паутина
на паху у стариков.

* * *

Уже Москва почти пуста,
а Питер вовсе стих,
друзья отбыли в те места,
где я не встречу их.

* * *

Дела мои грустно меняются,
печальны мои ощущения:
теперь даже мысли стесняются
являться ко мне для общения.

* * *

На исходе, на излёте, у финала,
когда близок неминуемый предел,
ощущается острее, насколько мало
получилось из того, что ты хотел.

* * *

Недавно я подумал, что в чистилище
огромная толпа теней клокочет:
оно ведь наилучшее вместилище
для тех, кто даже в рай не очень хочет.

* * *

Поскольку я здоровье берегу,
то днём не лечь поспать я не могу,
и только после близости с Морфеем
я снова становлюсь былым Орфеем.

* * *

Однажды выпадет мой фант,
и в миг успения
навек сгинет мой талант
хмельного пения.

* * *

Старение – это худая лошадка,
неспешно везущая хворостей воз;
года наши тянутся хоть и не гладко,
но страх и печали врачует склероз.

* * *

Восходит новая заря
и там и тут,
и стаи нового зверья
езде растут.

* * *

И в неге жил я, и в говне,
и что-то удалось,
но больше умерло во мне,
чем родилось.

* * *

Я в телевизор пялюсь временами;
плёл диктор о наследии нетленном;

а жаль, что оставляемое нами
шакалам достаётся и гиенам.

* * *

Друг болен и готовится уйти —
спокойно, как отважится не каждый;
ну что ж, душа, счастливого пути,
а там ещё мы встретимся однажды.

* * *

Без устали крутился мой волчок;
доселе кружит;
из мальчика случился старичок;
и пьёт, не тужит.

* * *

Всё ближе дня рождения порог,
не праздновать его никак нельзя,
халвой хвалы украсят мой пирог
на выпивку пришедшие друзья.

* * *

От канувшего времени лихого
остались голубые небеса,
не помню ничего уже плохого —
особенно того, что делал сам.

* * *

Смешно мне слушать, горестно и скучно,
что всё уже постигнуто научно,
и с кафедры вещает сивый мерин,
что мир трёхмерен.

* * *

На старости я больше пью под вечер,
и к ночи ближе льётся благодать,
поскольку мне заняться больше нечем,
а время как-то нужно скоротать.

* * *

Хороши мои дела,
всем они наука:
дочка внучку родила,
сын добавил внука.

* * *

На кладбище всегда полно гостей,
здесь отдых от забот и дел кипучих,
оно не только лежбище костей,
оно и космодром для душ летучих.

* * *

Умерли, ушли, скончались,
распылились, как пыльца,
и теперь уже в начале
те, кто двигался с конца.

* * *

Я сам себе создал устав,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.